Николай Павлов (г.Фронт Роял, штат Вирджиния, США) **У ЁЛКИ**
(одноактная пьеса)

Действующие лица:
Алексей, он же Леха, Сергей, он же Серж, Юрий, он же Юрочка — приятели и деловые партнеры, не старше сорока лет.
Татьяна — жена Алексея.
Оксана — подруга Сергея.
Лариса — подруга Юрия.
Валерий — брат Сергея.
Дед Мороз и Снегурочка.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Вечер 31-го декабря. Квартира Алексея. Гостиная, в центре праздничный стол. Елка. Старинные часы. Включен телевизор (без звука).
Алексей в кресле, в его руках бокал. Татьяна заглядывает в комнату, на ней поверх вечернего платья передник, на руке кухонная рукавица.

Татьяна: Нести гуся? Или пусть посидит в духовке?

Алексей: Посидит.
Татьяна: Что-нибудь не так? Ты что-то все молчишь. Опять изжога?
Алексей: Изжога...
Татьяна: Развести соды?
Алексей: Не надо. Присядь... что ты все бегаешь...
Татьяна: Интересно ты рассуждаешь, на мне же кухня.
Алексей: Присядь, успеется.
Татьяна: Уже одиннадцать. Скоро наши придут.

Татьяна садится.

Алексей: Придут так придут...
Татьяна: Ты мне не нравишься сегодня... Что-нибудь случилось?

Пауза. Татьяна с легким беспокойством смотрит на мужа.

Алексей: Год кончается... Еще какой-нибудь час... Тебе есть, что мне сказать в старом году?
Татьяна: То есть?
Алексей: Ну, повиниться, покаяться, если есть в чем.
Татьяна: Да вроде... Если ты имеешь в виду ремонт маминой квартиры... Там получилось немного больше... Да и то, какой там ремонт... только самое необходимое... В ее ванную уже войти нельзя было.
Алексей: Вот видишь, если покопаться...
Татьяна: Но ты же понимаешь, свяжешься... и пошло-поехало...
Алексей: Понимаю.
Татьяна: Еще когда мы летали с Оксаночкой и Леной в Лондон в июне, мне понадобилась пара тысчонок...
Алексей: Знаю.
Татьяна: Прощаешь?
Алексей: Все?
Татьяна: Вроде все.
Алексей: А если подумать.

Звонок в передней. Татьяна идет открывать. Слышны голоса. Входят Сергей и Оксана.

Сергей: Всем привет! С наступающим!
Оксана: Здравствуй, Алексей!
Сергей: Здорово, Леха!
Алексей (вставая навстречу): Привет.

Мужчины обмениваются рукопожатием. Оксана целует Алексея.

Татьяна (в дверях): Сегодня в программе гусь с яблоками.
Сергей: Гусь? Цельный! Замечательно! Хотите анекдот, правда, не про гуся, а про поросенка. Приходит один хмырь в ресторан. Мне поросенка, говорит. Его спрашивают — вам поросенка с хреном? А он так брезгливо - нет, хрен, пожалуйста, отрежьте.
Татьяна: Да ну тебя, Сергей, собираешь че попало... Оксаночка, можно тебя?

Женщины удаляются на кухню.

Сергей (наливая в бокал виски и рассматривая бутылку): Scotch, single malt. Very good!
Алексей: Пойло.
Сергей: А я после всех экспериментов вернулся к нашей родимой... Холодненькая, под помидорчик, что еще надо?
Алексей: Патриотично.
Сергей: Отцы, деды наши ее потребляли, куда ж нам от нее? Это в генах.
Алексей: В генах у нас много чего.
Сергей: Что ты имеешь в виду?
Алексей: Да так, к слову...
Сергей: Да... к слову... бывает у тебя такое, смотришь на человека и не можешь вспомнить, видел ты его раньше, или нет. А если видел, то при каких обстоятельствах?
Алексей: Ты это к чему?
Сергей: Да водила нам попался...
Алексей: А ты разве не на своей?
Сергей: Нет, кто ж на своей в Новый год. Кого-то он мне напомнил. Но кого? Лицо вроде знакомое. И сам на меня все посматривал... Или мне показалось...
Алексей: Иногда мне снится сон. Я в толпе. Толпа движется. Ну, как в метро или после матча. А впереди, метрах в десяти, некто, кого я то ли знаю, то ли не знаю... Он все оборачивается и смотрит на меня, смотрит без улыбки, эдак серьезно и движется с толпой. Я пытаюсь его догнать, но толпа плотная, не пускает. И потом силы куда-то ушли, топчешься на месте. А он удаляется... А кто он? И почему мне надо его догнать?
Сергей: Призрак. И водила тоже призрак. Что-то их много развелось вокруг. Да и с прочими тоже не все ясно, кто в Лондон маханул, кто просто исчез. Так, без следа, словно и не было... Где Перто, где Химик?
Алексей: Иных уж нет, а те далече...
Сергей: Далече... далече... Как-то зябко. Надо вмазать хорошенько. Ты как к этому?
Алексей: С утра тружусь.
Сергей: Ну, поехали.

Звонок. Голоса в передней.

Сергей: А вот и Юрочка. У него новая, говорит — супер...

Входят Юрий, Лариса, за ними Татьяна и Оксана.

Юрий: Прошу любить и жаловать — Лариса, мой ангел-хранитель... Лариса, познакомься, Алексей, Серж, то есть Сергей, Татьяна и Оксаночка.
Лариса: Очень приятно!

Алексей: Добро пожаловать. Надеюсь, вам не будет у нас скучно.
Сергей: Nice to meet you. The pleasure is mine.
Юрий: Серж любитель пустить пыль в глаза... особенно, если рядом хорошенькие женщины. Лариса недавно из Америки.
Сергей: Вот как.
Юрий: Закончила там курс экономических наук. Правильно я говорю?
Лариса: Правильно.
Юрий: Бостонский университет.
Сергей: Сколько же лет вы там учились?
Лариса: В общей сложности четыре года.
Сергей: Замечательно. И как там жизнь?
Юрий: Ты же бывал в Штатах.
Сергей: Бывал. Но наезд одно. Тебя возят, поят, что-то показывают. А жить там — другое. Верно я говорю?
Лариса: Я согласна с вами.
Сергей: В Бостоне же полно русских. Я там неделю тусовался. Тут и там родная речь. Как не уезжал.
Лариса: Да, в Бостоне большая русская община.
Сергей: Община?
Лариса: Community. Так говорят — китайская община, корейская, русская. Хотя наших общиной не назовешь, каждый сам по себе.
Сергей: Во-во, здесь надоели друг другу.
Татьяна: Подожди, Сергей, пусть Лариса расскажет.
Сергей: Пусть. Я — за.
Алексей: Ну, а ты, Сергей, смог бы жить там?
Сергей: Я? Я... мог бы... почему и нет? Только зачем?

Пауза.

Сергей: Сегодня мы поехали в баню, смыть, как говорится, грехи уходящего года. Смотрю надпись — оставь одежду всяк сюда входящий.
Юрий: Что-то квновское. Я другую историю про баню знаю. Какой-то шутник перевесил таблички — там, где парная, повесил "пожарный выход", а где выход — "парная". Причем и дверь отомкнул, а то ведь пожарный выход обычно забит. Ну, народец и выскакивает на улицу в чем мать родила. А там уже толпа собралась, ждут очередного. И нет, чтобы пойти сказать, мол, у вас непорядок — стоят и смотрят.
Сергей: Ну, это же шутка.
Юрий: Хорошенькие шутки. Мобильники достали, снимают. А потом вывесят тебя на "утьюбе". Но вот что забавно — и сами пострадавшие не идут жаловаться, и не предупреждают других — я пострадал, пусть и другие пострадают.
Татьяна: Что-то мне трудно поверить в эту историю. Придумал ты ее, Юра?
Юрий: Ну, если и присочинил, то совсем немного.
Алексей: Правом на бесчестие всего легче русского человека увлечь можно.
Сергей: Хм... хорошо замечено. Кто сказал?
Алексей: Петруша Верховенский.
Сергей: Кто таков?

Алексей: Был один.
Лариса: Это литературный персонаж.
Сергей: Так бы и сказал... Произведение?
Лариса: "Бесы", Федор Михайлович Достоевский.
Сергей: То-то я и смотрю. Видел сериал... как его?
Алексей: "Идиот".
Сергей: Вот именно, "Идиот". Увлекает. Но, скажу я вам, не понимаю я этих людей. О чем они хлопочут? У всех идеи, одна другой заковыристей. И вот они носятся с этими идеями. А чего, спрашивается?
Алексей: Носиться с идеями — наше национальное... Только идеи стали проще. Подхватят где-нибудь коротенькую мыслишку — Россия для русских, Америка — параша... и шею готовы каждому встречному за нее свернуть.
Сергей: А что вышло из их интересных идей?
Алексей: Вышло то, что вышло.
Сергей: То-то и оно.
Лариса: Но согласитесь, для нас есть что-то очень привлекательное в людях девятнадцатого века. Чехов не сходит с афиш, и не только у нас... Видела в Чикаго любительскую постановку "Трех сестер". Очень неплохо. Правда, Вершинина играл черный актер... что... отвлекало...
Алексей: Может быть, мы бессознательно стремимся туда, чтобы сыграть нашу историю заново... Чехова ставят... но кто в зале?
Сергей: А в зале мы — простые граждане.
Алексей: Простые? Сколько ты отдал за свои часы?
Сергей: Не помню, но много. Auguste Reymond — настоящие.
Алексей: Уверен?
Сергей: Ну да. Есть один мужичок...
Алексей: Покажи.

Сергей протягивает Алексею часы. Тот рассматривает их.

Алексей: Подделка.
Сергей: Но-но...
Алексей: Если пачку настоящего Марлборо не достать, то уж часы... тем более дорогие... Носи. У премьера часы за полмиллиона...
Оксана: Долларов?
Алексей: Долларов. А у зама мэра за миллион.
Сергей: И что? Могут себе позволить.
Алексей: Дорвались. Крестьяне. У американского президента ходики за 300 баксов.
Юрий: Ты что-то не в духе сегодня...
Сергей: Что это?

Сергей указывает на гранату-лимонку, висящую на елке.

Сергей: Елочная игрушка?

Он берет ее в руки.

Сергей: Тяжеленькая. Что она здесь делает?
Алексей: Боевая.
Юрий: Боевая? Шутишь, Леха?
Алексей: Нет.
Сергей: Ну, у тебя и шуточки... Закусывать надо.
Татьяна: Прошу к столу! Нам еще предстоит выпить за уходящий.

Присутствующие рассаживаются.

Сергей (в руках у него бутылка): Эту бутылку грузинского вина мне дал брат. Валера сказал, чтобы мы ее открыли через десять лет. То есть сегодня.
Татьяна: Неужели уже столько прошло?
Сергей: Да. Девять лет, как его нет. Помянем Валеру.

Сергей разливает вино.

Сергей: Мир его праху.
Оксана: Покой душе.

Пьют.

Татьяна: Мне все не верится... Когда уходят молодыми... кажется, что человек просто куда-то уехал, далеко-далеко...
Оксана: Оттуда, увы, не возвращаются.
Алексей: Валерий был человеком цельным, он не разбрасывался. Идеям, увлечениям он отдавался целиком, без остатка.
Оксана: Он был незащищенным человеком.
Алексей: Конечно, когда он уже болел...
Оксана: Всегда.
Сергей: Он бывал разным. Умел бывать разным — один из его талантов.

Сергей разливает остатки вина.

Алексей (глядя на бокал): Все успокоилось, все улеглось в этом вине. Если бы так было и со страстями.
Татьяна: Что ты говоришь?
Алексей: Так, цитата.
Татьяна: А что было десять лет назад? Как мы тогда праздновали новый год? У меня все перемешалось.
Сергей: Как праздновали? Я хорошо запомнил тот новый
год,
последний для Валеры.
Юрий: Так это тот самый?
Сергей: Тот самый.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Квартира Сергея. Также новогодний вечер, но десять лет назад. В комнате Алексей и Сергей. На столике бутылка виски, бокалы.

Сергей (стоя у окна): Снег пошел. Уже двенадцатый. Где же Ксюша с Татьяной? Так и валит. Где же бабоньки? Ведь новый же год, ядрена кочерыжка!
Алексей: У тебя есть идеи?
Сергей: Ну... машину им отогнать.
Алексей: Машину... машину... твою и отгоним.
Сергей: Почему мою?
Алексей: У тебя новье. Впрочем... не канает. По-фраерски это.
Сергей: Ну, нет наличности, все обегал.
Алексей: Картуз смекнет, что мы зависли...
Сергей: Ну, тогда подождет.
Алексей: Беда в том, что ждать он не любит. До конца года, значит — до конца года. Мороз включит.
Сергей: Бандюган хренов! Что ж мы так вот и будем киснуть? Ведь новый же год? Где наши дамы?
Алексей: А х... то их знает.

Алексей берет трубку, набирает номер.

Алексей: Татьяны нет дома.
Сергей: Перебьется Картуз. Внесем в январе.
Алексей: Картуз может быть и перебьется, да наша репутация...
Сергей: Ну, нету! Ну, где взять?
Алексей: А как так получилось?
Сергей: Сам не знаю. Седой задержал...
Алексей: А как ты считал?
Сергей: Да все сходилось, если бы не Седой...
Алексей: Что ты все — Седой да Седой? С запасом работать надо, а у нас — всегда в натяг. И потом, кто тебя за язык тянул? Зачем Картузу знать, что цех отходит нам?
Сергей: Так ведь отходит же.
Алексей: Чужой успех, он как нож в сердце. Следи за базаром. Я это крепко усвоил еще в армии.
Сергей: А ты разве служил?
Алексей: Служил. У нас водители были. Из стариков. Они всех держали. У них деньги водились — бензин налево толкали. Да только офицеры маршрут считали... до километра, чего там — до метра, не разбежишься. И был у нас в роте один... студент. Очкарик — чичик. Понятное дело, черпаки ему прохода не давали. Там ведь так, выберут кого-нибудь и долбают... пока не задолбают. А он неплохой паренек, только казармы не нюхал. Подошел он как-то к водителям — могу, говорит, научить, как бензин экономить. Те возили что-то с базы на объекты. Километраж считали по ходкам — туда и обратно. А он предложил загружаться по полной и сразу объезжать три-четыре объекта. И только потом на базу. Путь короче, расход бензина меньше. А излишки ясно

куда. И началась у водил хорошая жизнь. Кайфуют — каждый вечер бухие. Офицеры чуют, что те бензин продают, и по десять раз пересчитывают маршрут. А откуда излишки, понять не могут. Чичика с тех пор не трогали, с водителями никто связываться не хотел. А он их предупредил — никому ни слова, ни полслова. Но как промолчать, когда такое дело. Если мы такие молодцы, если мы так командование насосали. Разболтали по пьянке. И все — через день офицеры уже знали... Кто-то к ним бегал, мы так и не выяснили — кто... Как они потом кусали локотки! Так-то. Вывод — в этой жизни преуспевают молчаливые. И еще — думай не как все.

Раздается свисток (наподобие судейского).

Сергей: Валера... А случаем, не ты ли тот чичик?
Алексей: Может быть и я. А может быть, и нет.

Сергей выходит. Алексей снова берет трубку и набирает номер.

Алексей: Танюш, что за шутки? Где вы? Скоро Новый год. Хотел бы увидеть тебя еще в этом.

Сергей вывозит в коляске Валерия. На Валерии спартаковская футболка. Алексей подходит к Валерию и жмет ему руку.

Алексей: Здоровеньки булы.
Валерий: Какое там здоровеньки. Хана мне.
Сергей: Валер, что за базар?
Валерий: Хана и есть хана. А где Ксюша?
Сергей: А Бог ее знает. И Татьяну заодно.
Валерий: Я сейчас задремал. Мне приснилось, что я поправился. Совсем здоровый. И поляна... солнце, трава такая зеленая и цветы оранжевые... огоньки — яркие-яркие... Помнишь, мы ездили в лагерь?
Сергей: В Засеки?
Валерий: Да, в Засеки. Название какое... Оказывается, эта поляна все это время была во мне...
Сергей: Помню, но смутно... Нашу вожатую Люсю и ее во всех смыслах выдающуюся грудь запомнил хорошо. Такое не забывается. А остальное...
Валерий: Сон такой реальный. Хожу, и так... легко. Я в это поверил. И когда проснулся, все еще казалось, что это возможно.
Сергей: Конечно, возможно. В феврале едем к этому профессору... Карапетяну.
Валерий: Назаретяну.
Сергей: Да, Назаретяну. Про него говорят, что он чудеса творит. Не таких, как ты, на ноги ставил.
Валерий: Говорят.
Сергей: Плеснуть тебе?
Валерий: Плесни.

Сергей наливает виски в бокал и подает Валерию. Затем берет свой.

Сергей: За твое здоровье.
Валерий: За "Спартак".
Сергей: Я пью за тебя.
Валерий: А я за "Спартак".

Все трое чокаются. Пьют.

Валерий: Будете смотреть матчи... всегда ставь для меня пиво.
Сергей: Валер, послушай...
Валерий: Обещаешь?
Сергей: Обещаю... но ты будешь сидеть с нами.
Валерий: Сверху я буду смотреть и на вас, и на поле... А странно, ведь ничего не изменится, все будет так же... они так же будут выбегать, словно ничего не случилось... Странно это...
Сергей: Я вытащу тебя... я... я... я из этого Карапетяна дух вытрясу...
Валерий: Назаретяна.
Сергей: И из него тоже, но ты будешь жить. Усвоил? Бу-дешь жить!
Валерий: Вот еще что, там, в серванте бутылка "Ахалшени", откройте ее через десять лет.
Сергей: Это та, что Дарико...
Валерий: Да, Дарико.

Слышен шум в прихожей.

Сергей: Хорошо. Не надо, Валер, слышишь? Не надо. Я все сделаю, как ты хочешь.

Входят Оксана, Татьяна и Юрий. Он несет ящик шампанского.

Сергей: Вот они — девушки-красавицы. А мы уже решили, что новый год отменяется.
Оксана: Ой, жарко. Юра, познакомьтесь — Сергей, Валерий, Алексей. А это Юрий.
Юрий: Здравствуйте.
Сергей: Здравствуйте, молодой человек. Здравствуйте.
Оксана: Юрий нас выручил, полдня нас возил. Без него мы бы не управились.
Сергей: Не управились бы с чем?

Татьяна выкладывает на стол пачку денег.

Татьяна: Вот все, что удалось собрать.
Сергей (свистит): Здесь порядочно.
Оксана: Двенадцать штук.
Сергей: Ай да бабоньки!
Оксана: Хватит?
Сергей: Ай да бабоньки!
Оксана (показывая кисти рук): Все кольца, цепочки — все в ломбарде. И еще у одного ювелира побывали.
Татьяна: Я и мамины, и бабушкины прихватила.

Сергей берет гитару. Поет.

Сергей: На-на-на-на. На-на-на-на.

Если у вас нету тёти,
Её не отравит сосед,
И если вы не живёте,
То вам и не, то вам и не,
То вам и не умирать,
Не умирать.

Леха, звони Картузу.

Оркестр гремит басами,
Трубач выдувает медь.
Думайте сами, решайте сами —
Иметь или не иметь.

До Нового года четверть часа. Как сказал бы мой прапор, пятнадцать минут — накрыть стол. Только он давал не пятнадцать, а три минуты. И не на накрыть, а на побриться. Как-то меня прищучил. А за три минуты как побреешься? Ну, я опасной по сухому. Стою перед ним — рожа в крови. Но в норматив уложился. А он счастливый. Душевный был человек. Сидорчук его фамилия. А не уложишься — пятьдесят раз отжаться, да в темпе. Потом лежишь без рук. В армии я мышцу и накачал.

Оксана: Так, за работу. Мальчики, живо накрыть стол — тарелки, вилки, фужеры... Танечка, за мной.
Юрий: Мне пора.
Оксана: Юра, оставайтесь. Оставайтесь с нами. У нас бывает весело. Да и не успеть вам до двенадцати.
Татьяна: Конечно, оставайтесь.
Юрий: У нас там компания...
Сергей: И у нас компания. И еще не ясно, какая из них лучше.
Юрий: Я не знаю...
Сергей: А чего тут знать? Это же Новый год! Сегодня не так, как в другие дни.
Оксана: Юра, решено — вы остаетесь. За работу!

Женщины удаляются. Мужчины выдвигают стол, накрывают его. Алексей берется за телефон.

Алексей: Славу можно? Алексей... С наступающим... Спасибо. Само собой... долг платежом... Присылай гонца... Можно и завтра. Давай уж тогда послезавтра, а то завтра, сам знаешь... Договорились. Успехов в новом году! Будь.

Женщины с блюдами и тарелками снуют из кухни в гостиную.

Сергей (смотрит на часы): Так, пошел отсчет времени — согласно моему Citizen осталось пятьдесят семь секунд старого года.
Оксана: Танечка, там на подоконнике холодец и горчица в этом... в холодильнике.
Сергей: Сорок шесть секунд.
Оксана: Ты бы лучше шампанское открыл.
Сергей: Дело.

Сергей открывает бутылку шампанского и наполняет бокалы.

Сергей: Восемь секунд.

Все встают.

Сергей: С Новым годом, дорогие товарищи!

Все чокаются с Валерием, сидящим в коляске. Оксана наклоняется и целует его.
Стоп-кадр. Свет гаснет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ
Продолжение первой.

Сергей (с рюмкой в руке): У всех налито? Помянем уходящий... он был не так плох... даже очень неплох. Мы выросли. Инфотраст теперь наш...
Юрий: Ну, не будем только о делах... В личном плане... Я встретил Ларису... для меня это главное в уходящем году...
Алексей: Я предлагаю тост за успехи компании Истинвест.

Пауза. Сергей и Юрий смотрят на Алексея.

Сергей: За что?
Алексей: За Истинвест. Разве тебе это название ничего не говорит?
Сергей: Постой, как ты говоришь, Ист... инвест, или инфест... сразу другой смысл...
Алексей: Истинвест.
Сергей: Леха... это наш новогодний сюрприз. Истинвест наше новое детище. Юрочка и я, мы создали ее втайне от тебя... Теперь мы оперируем не только у нас, но и за рубежом...
Алексей: Сюрприз, говоришь? А ты, Юрочка, что скажешь?
Юрий: Да... это наш новогодний подарок... всем нам... То есть тебе...
Алексей: Спасибо. Но как так получается, вы берете ссуду под наши российские активы и приобретаете нечто в Австрии, не согласовав со мной?
Татьяна: Дорогие мужчины, все-таки это Новый год, не надо превращать его в производственное совещание...
Алексей (не обращая внимания на слова жены): Я жду ответа.
Сергей: Леха, может быть, мы поступили опрометчиво, но мы хотели доказать тебе, что тоже способны дела делать...
Алексей: Дела... Схема знакомая — дефолт по кредиту, активы отходят банку, я остаюсь ни с чем, а вы при бабках. Так?

Сергей: Да нет же. Причем здесь дефолт? Мы открываем Истинвест, и у нас одной компанией больше. Говорю же — это сюрприз.
Алексей: Хорошо. Сюрприз так сюрприз. Второго утром мне все бумаги.
Сергей: Будет сделано, босс. Ну, так что, за уходящий!

Чокаются, пьют.

Сергей: Новогодний анекдот. Едут Старый и Новый год в метро. Старый стоит, а Новый сидит. Ему говорят — мальчик, уступи место дедушке. А тот — а он всего на год меня старше. А что выглядит плохо, так пить меньше надо. А Старый ему — посмотрю я на тебя, сынок, через год этой жизни.
Татьяна: Сергей, ты сам ребенок. Лучше скажи, когда мы гуляем на свадьбе?
Сергей: А кто женится?
Татьяна: Как кто? Вы — ты и Оксаночка.
Сергей: Ксюша, что это такое? Почему я узнаю последним?
Татьяна: Вот и хорошо. Значит, в наступающем году. Остается выбрать месяц и число.
Сергей: Двадцать девятого февраля.
Татьяна: Злодей ты, Сергей. Год-то не високосный.
Сергей: Разве? Тогда придется подождать.
Татьяна: Долго ждать.
Сергей: И потом, мне еще не сделали предложения.
Татьяна: Не увиливай, Сергей. Мы здесь все свидетели.

Звонит сотовый Алексея.

Алексей: Прошу меня извинить.

Алексей отходит к окну.

Сергей: Еще анекдот. Пошли Старый и Новый год к... к этим... словом, в бордель.
Татьяна: О, нет, нет. Этого не надо.
Сергей: Как хотите. Анекдот, между прочим, классный.
Оксана: Пожалуй, хватит анекдотов, их можно и в другое время рассказывать. Это же Новый год!
Татьяна: Да, ждешь его целый год.
Лариса: А вы замечали, что время до полуночи и после бежит по-разному. До — медленно, ждешь, ждешь, а после — быстро. Не успеешь оглянуться, прошел час — час нового года, а только что была полночь.
Юрий: Верно.
Лариса: Еще, когда бьют часы, надо загадать желание, и оно исполнится в новом году.
Татьяна: Пока есть время, пусть каждый подумает о желании. Леша, мы тут о желаниях говорим.

Алексей возвращается к столу.

Алексей: О чем?

Татьяна: О желаниях. Надо в полночь загадать желание, и оно сбудется.
Алексей: Серж, у тебя есть желание?
Сергей: Мое желание, чтобы голова завтра не болела.
Татьяна: Это не желание. Это от тебя, Сергей, зависит.
Алексей: Понимаю, ведь завтра ты и Оксана летите в Вену.
Татьяна: Как в Вену?
Алексей: Билеты в один конец, квартира и Лексус проданы... Что бы это все значило?
Юрий: Как это в один конец?
Алексей: Очень просто, без обратного билета.
Юрий: Серж, это правда?
Алексей: Мы ждем ответа.
Оксана: Говорила же тебе, не ходить. Позвонили бы — пищевое отравление...
Сергей: Молчи!
Алексей: Ну вот, хоть косвенное, но подтверждение... Так как же, Сергей, летим или не летим?
Сергей: Леха, я все объясню...
Алексей: Этого мы и ждем.
Сергей: Мужики, бес попутал...
Алексей: Это ближе, но не следует все сваливать на беса, он попутал, и след его простыл, а отвечать тебе.
Татьяна: Как это? Так ты с ней (Татьяна указывает на Оксану) хотел удрать в Австрию? Так?
Алексей: Ага, новый поворот в деле... Похоже, мы кругом виноваты.
Оксана (Сергею): Ничего не понимаю, причем здесь она (Оксана указывает на Татьяну)? Ты мне можешь объяснить?
Юрий: Так ты меня хотел кинуть?!
Алексей: Сергей, от тебя все ждут объяснений.
Оксана: Что у тебя с ней было? Говори! Что? Что? Что?

Оксана трясет Сергея, у нее текут слезы. Она выбегает из комнаты. Возвращается через некоторое время с сигаретой. Курит, сидя в кресле.

Алексей: Серж, ты разочаровал меня. Я испытываю чувства родителя, ребенок которого срезался на экзамене. Непрофессионально... Билеты в один конец, поспешил продать имущество... Бросить вскользь — поедем на лыжах покататься в Альпах. Билет, конечно, в оба конца, ты же не бедный... А квартиру потом агент продаст... Да и все остальное топорно сработано.
Сергей: Лех, я виноват перед тобой, перед всеми...
Алексей: Значит, все как я сказал? А если я блефовал? Если это всего лишь мои догадки?
Сергей: Теперь это уже неважно...
Юрий: Как неважно? Как неважно?
Сергей: Неважно...

Пауза.

Сергей: Ты помнишь, как мы в Каменском отбивались от буйных?
Алексей: Помню, я все помню.
Сергей: Тогда все было другим. Азарт. Риск. Первый успех. Потом уже было не так... Хотя и бабки, и все на свете...
Алексей: Что не так?
Сергей: А вот, не так.
Алексей: Я скажу тебе, что не так. Ты игрок. Ты игру любишь больше выигрыша.
Сергей: Да, люблю.
Алексей: Ну и играл бы против чужих.
Сергей: Но ведь ты не хотел рисковать... Игры против чужих чреваты, как ты любишь повторять.
Алексей: Не без этого.
Сергей: Что же мне оставалось?
Алексей: Только предать своих.
Сергей: Я хотел вас переиграть.
Алексей: То есть кинуть.
Сергей: Нет, переиграть, как мы переиграли Седого.
Алексей: Седых никогда не был своим, лишь попутчиком.
Сергей: А как отличить своего от не своего?
Алексей: А и отличать не надо. Просто знаешь, что свой.
Сергей: А если был своим, а потом перестал им быть?
Алексей: Я поздно распознал тебя. Ты из тех, кто не останавливается. Ты, как я сказал, игрок. А игроку нужна игра. Убежден, что ты затеял все это не столько из-за бабла, а чтобы кровь погорячить. И твоя связь с моей женой из той же оперы. И пришел ты сюда с одной целью — нервы пощекотать.
Сергей: Нет. Я пришел... я пришел потому... что обещал Валере.
Алексей: Мне следовало тебя отделить своевременно. Когда ты вне — ты менее опасен, один из многих чужаков. Ты опасен, когда внутри.
Сергей: А ты не можешь допустить, что я пришел проститься?
Алексей: Мол, будьте здоровы, живите богато, а мы, прихватив бабло, улетаем в Соединенные Штаты?
Сергей: Ты не допускаешь, что мне не просто было решиться. Уйти от того, к чему... привык, оказалось трудней, чем я думал.
Алексей: Твои страдания мне не интересны. В этой жизни каждый отвечает за свои поступки.
Сергей: Хорошо. Мы все когда-то ошибаемся. От кого, как ни от друзей, ожидать понимания...
Алексей: Ты чего-то сам не понимаешь... Есть ошибки, а есть предательство. Доверие... уверенность в партнере... многого стоит... Человек не может без доверия... Он ложится в свою постель и верит, что проснется, что жена не задушит его подушкой. Что же ты мне прикажешь с тобой делать?
Сергей: Делай, что хочешь.
Алексей: Что я хочу? Я хотел, чтобы у меня было дело. Благодаря твоим стараниям у меня его больше нет. Я хотел, чтобы у меня были друзья. Их также больше нет. Я хотел, чтобы у меня был дом, семья, и этого нет. И причиной всему ты.
Татьяна: Ты сам виноват, что у тебя нет семьи.

Алексей: Вот как?
Татьяна: Да, ты! Ты непробиваем! Ты и сейчас сидишь с каменным лицом. Твоя жена спит с другим, а тебе хоть бы что! Разве это нормально?
Алексей: То, что спит с другим? На мой взгляд — нет.
Татьяна: Вот ты весь в этом! Тебе... тебе... тебе все равно! Ты равнодушный! Ты боишься показать свои чувства. А скорей всего у тебя их нет! Когда умерла твоя мать, твоя бедная мать... царство ей небесное, ты сидел как истукан, спокойный и безучастный, словно к тебе это не относится. Ты... ты...

Громкий стук в дверь. Входят Дед Мороз и Снегурочка.

Дед Мороз: С Новым годом!
Снегурочка: С новым счастьем!
Дед Мороз: Шли мы с моей внученькой Снегурочкой и решили зайти к добрым людям на огонек.

Дед Мороз и Снегурочка проходят в комнату.

Дед Мороз: Все готово для праздника — и елочка, да какая нарядная, просто красавица, и стол накрыт — любо-дорого посмотреть. Знать, хозяюшка хорошая. И люди-то, я смотрю, пригожие, красивые. Только вот вижу — нет веселья в этом доме. Так я говорю, Снегурочка, внученька моя?
Снегурочка: Так дедушка, все так — очень они грустные отчего-то.
Алексей: А вы, ребята, собственно, кто такие?
Дед Мороз: Ась?
Алексей: Кто вы такие, говорю?
Дед Мороз: Как кто? Я — Мороз Красный Нос.
Снегурочка: А я — Снегурочка.
Алексей: Вы от мэрии? Вы ошиблись адресом, здесь нет детей.
Дед Мороз: Ась?

Алексей машет рукой.

Дед Мороз: Вот что я думаю, Снегурочка. Мы должны помочь этим людям, развеселить их.
Снегурочка: Да, дедушка, но как?
Дед Мороз: Прежде всего, мы зажжем им елку.
Снегурочка: Да, да! Елочку!
Дед Мороз: Для этого надо всем вместе сказать — елочка, зажгись! Ну-ка вместе, — елочка, зажгись!

Лишь Снегурочка поддерживает Деда Мороза.

Снегурочка: Дедушка, но она не зажигается.
Дед Мороз: А ну-ка еще раз — елочка, зажгись!
Снегурочка: Опять не зажигается.

Дед Мороз: Теперь в третий раз — елочка, зажгись!

Алексей вставляет штепсель в розетку, на елке загораются огоньки.

Снегурочка (хлопая в ладоши): Ура! Ура!
Дед Мороз: Так-то будет лучше.

Дед Мороз садится, наливает себе рюмку коньяка и, подцепив что-то вилкой, опрокидывает ее в рот.

Снегурочка: Дедушка, но эти люди по-прежнему грустны. Как бы я хотела развеселить их.
Дед Мороз: Для этого ты, доченька, должна каждого из них поцеловать. И твоя радость с поцелуем передастся им.
Снегурочка: Дедушка, я сделаю это с радостью.
Сергей: Так она вам доченька или внученька?
Дед Мороз: Ась?
Сергей: Снегурка дочкой или внучкой вам приходится?
Дед Мороз: Это как посмотреть. Она славная. Мастерица — золотые руки. Она у меня и за рулем и вообще...

Дед Мороз наливает еще рюмку. Снегурочка обходит стол, обнимая и целуя каждого в голову.

Дед Мороз (несколько заплетающимся языком): Долог наш путь. В новогоднюю ночь нам надо побывать во многих квартирах, то есть домах... А вот грустить не надо. Ладно если пожар, и все сгорело... Или болезнь плохая... Или дом обчистили... А так, я вам скажу... живи, пока живется. И вся недолга. Вот вам на прощание притча о двух братьях. Один брат с самого рождения вел жизнь праведную — не пил, не кутил, трудился с рассвета до заката, к тому же слыл прекрасным семьянином. А другой прожил неправедную жизнь — пировал и в праздники, и в будни, путался с женщинами непотребными, вечно попадал в какие-то истории — словом, грешник. Вот пришло время отвечать им за дела земные... там, на небесах. Первым перед Святым Петром предстал непутевый брат. А надо сказать, что день у стража райских ворот выдался спокойный, посетителей кот наплакал, и Петр, как бы это выразиться, скучал. Ну, говорит он, рассказывай, как ты жизнь свою прожил. Только все, без утайки, ибо от меня ничего не скроешь. Делать нечего, стал непутевый брат рассказывать о своей жизни. О всех приключениях, переплетах, в которые попадал, об амурных делах и обо всем прочем. Да в деталях и красках. Страж вначале слушал строго, а затем заинтересовался, вопросы стал задавать, выспрашивать подробности. Он то смеялся над злоключениями несчастного, то грустнел, а в одном месте даже слезу пустил. А рассказчик видит, что слушатель проникся к нему, и пуще прежнего нажимает. Наконец, смолк. Да, говорит Святой Петр, нагрешил ты братец до самого "не могу". Тут двух мнений быть не может. Но, вижу, ты раскаялся. Так и быть, замолвлю за тебя словечко там. И он указал перстом вверх. Настала очередь второму брату держать отчет о прожитой жизни. Поклонился он низко своему судье и говорит — рассказ мой короткий, я всю жизнь трудился, любил только

жену, грехов за собой не знаю.
Посмотрел на него Петр внимательно и говорит — ну и что ты мне прикажешь с тобой делать?
Вот так. Вы скажете, какая мораль? А мораль такая, что никогда не знаешь, как оно повернется... Ну, нам пора. С Новым вас годом, люди добрые!
Снегурочка: С новым счастьем!

Дед Мороз не без труда встает и громко пукает. Он и Снегурочка идут к двери. Та его поддерживает. Присутствующие улыбаются, затем начинают смеяться.

Татьяна: Кто они такие? Кто их прислал?
Алексей: Я, кажется, знаю, чьи это проделки.

Алексей сует руку в карман, чтобы достать сотовый телефон.

Алексей: Куда ж я его сунул?
Сергей (недоуменно смотрит на запястье левой руки): Часы! Увели!
Татьяна: А у меня цепочка пропала.
Оксана: И у меня.
Сергей: Увели!
Юрий: Постой, где мой бумажник? Там у меня все!
Татьяна: Вот тебе и Дед Мороз.
Сергей: Отморозок! Порву!

Сергей бросается к окну. Юрий за ним.

Сергей (стучит в стекло): Стой!

Сергей бежит к двери.

Юрий: Поздно, они уже отъехали.

Сергей падает на стул.

Сергей: Во звери!
Татьяна: Теперь ясно, что у него в мешке.
Сергей: Да уж не подарки детям.
Алексей (смеется): У каждого свой бизнес. Чем он хуже нашего? Другой масштаб, а так...

Воцаряется молчание.

Татьяна: Если бы вернуться назад, когда все только вошли... Притвориться, что все хорошо, что скоро новый год... Нет, не получится... все ведь уже тогда было, только слова не произнесены. И все же лучше, пока не произнесены. Лучше делать вид, что все в порядке, что ничего нет. И смотреть друг другу честно в глаза, и даже забывать

иногда... Слова все меняют. Почему? Теперь это всегда будет во взгляде. Пройдут пять, десять, двадцать пять лет, а все равно останется.

Лариса: Там что-то... что-то горит.
Татьяна: Ой, батюшки! Гусь!

Татьяна бросается в кухню. Слышны ее причитания и еще какие-то звуки. Наконец, она возвращается. В руках у нее полотенце.

Татьяна: Снаружи подгорел, а внутри ничего. Нести?

Молчание. Татьяна садится и, закрыв лицо руками, плачет. Лариса подходит к ней и обнимает ее.

Освещение меняется. В комнате полумрак, свет на Татьяну и Оксану.

Оксана: Что ж ты прячешь глаза? Посмотри на меня. Я верила тебе. А ты меня предала.
Татьяна: Нет, я не предавала тебя.
Оксана: Как нет?
Татьяна: Я... забыла о тебе.
Оксана: Это и есть предательство.
Татьяна: Я не думала о тебе. И об Алексее не думала. Мне удавалось не думать. Иначе с ума сойдешь. Это как выйти в другую комнату. Закрываешь дверь, и все, что за ней, перестает существовать, пусть и на время. Я только теперь осознала, как виновата перед тобой и... Алексеем. Но, поверь, я не желала тебе зла.
Оксана: Но ты делала зло.
Татьяна: Ты же знаешь, как это бывает. Многие ли смогли устоять? Блуд, шашни — это у других. А у тебя любовь. У тебя тайна. Просыпаешься и сразу вспоминаешь о ней. И все внутри ею освещено. Другим она не видна. И ты не можешь ей поделиться. Но ты любишь всех и тех, кто, ничего не подозревая, проходит мимо... Я и тебя больше люблю... Если бы люди... все, абсолютно все, чувствовали это же, все было бы другим в нашей жизни...
Оксана: Я не знаю, о чем ты говоришь.
Татьяна: Вспомни, как это было у тебя.
Оксана: Я не помню. Не хочу вспоминать, остались только горечь и злоба. Я потеряла и тебя, и его. А твои слова — издевка.
Татьяна: Я не могу этого объяснить... Иногда... я вижу всех нас во сне... И там у нас совсем другие отношения... Совсем другие чувства. Мы любим друг друга. И там не надо слов, потому что мы понимаем без слов...
Оксана: Это что же, любовь втроем? Или вчетвером?
Татьяна: Нет, это совсем другое. Иногда мне кажется, что там истинные мы, там наши души, лучшее, что в нас есть. Дневная жизнь груба, каждый сам по себе, и ты не знаешь, что у другого на уме... Я хотела бы не просыпаться...

Сцена освещается.

Алексей: Вот что. Завтра все документы... оригиналы... мне на стол вместе с печатями и бланками. И упаси вас Бог утаить хоть что-то, хоть малость... Само собой, из города не уезжать, телефоны не отключать.
Сергей (выхватывает пистолет): Руки на стол. Всем! Так, хватит, повеселились. Ты, Леха, всегда меня недооценивал. А я рос, учился у старших товарищей. С некоторых пор без ствола в гости не хожу.
Оксана: Сереженька, уйдем отсюда...
Сергей: Подожди... С чего ты решила, что я уйду с тобой?
Оксана: Как?
Сергей: А так. Будет так, как я скажу.
Оксана: Как же?
Сергей: Танечка! Как ты смотришь на то, чтобы перебраться со мной в Австрию?
Татьяна: Ты... ты серьезно?
Сергей: Серьезно... несерьезно... Так как?
Татьяна (встает): Если ты...
Сергей: Нет, ты посиди пока... Я, собственно, еще ничего не решил.
Оксана: Гаденыш ты...
Сергей (приставляя к голове Оксаны пистолет): Заткни фонтан. С кем снюхалась? С Митей, с шофером... даже неловко за тебя, нашла бы кого-нибудь поприличней. Слышал, как он кому-то по мобильнику расписывал твои прелести.
Оксана: Это — так...
Сергей: Как «так»? По его рассказам — по полной программе.
Оксана: Сволочь ты.
Сергей: Я же и сволочь. Может быть. А ты — шлюха.
Оксана: Хорошо. Только ты не все знаешь.
Сергей: Я думаю — при твоей прыти.
Оксана: И о твоем брате покойнике...
Сергей: Что?
Оксана: А то.
Сергей: Что ты хочешь сказать?
Оксана: То самое.
Сергей: Врешь.
Оксана: Думай, что хочешь.
Сергей: Врешь! Когда?

Сергей приставляет к голове Оксаны пистолет.

Оксана: Началось, когда я тебя еще не знала... Алексей подтвердит...
Сергей (Алексею): Правда? Правду она говорит?
Алексей: Не размахивай этой штуковиной.
Сергей: Я спрашиваю — правда это или нет?
Алексей: Ну, была она знакома с Валерой.
Сергей: Что значит знакома?
Алексей: Знакома — значит знакома.
Сергей: Только знакома?
Алексей: Не знаю, мне никто ничего не докладывал.

Сергей: Так, интересно... Как долго у вас это было?
Оксана: Года полтора, до самого твоего приезда.
Сергей: А почему кончилось?
Оксана: Да вот кончилось... потому что он эту грузинку свою встретил, вот и кончилось... да не совсем.
Сергей: Как не совсем?
Оксана: А так, мы снова стали... видеться.
Сергей: Ты врешь, мерзавка. Хочешь мне отомстить.
Оксана: Помнишь, ты ездил в Петербург? Вы еще собирались с Валерием, но он остался, сказал тебе, что у него приступ. А никакого приступа не было. И потом находили возможность... всегда можно найти... Ты же находил... (Оксана кивает в сторону Татьяны)
Сергей: Нет! Нет!

Подбежав к окну, Сергей распахивает его. Некоторое время стоит, вдыхая холодный воздух. Вернувшись к столу, он наливает фужер водки и залпом выпивает его.

Оксана: Теперь ты будешь жить с этим до конца своих дней.
Сергей: Я тогда... привез тебе платье из Петербурга...

На сцене полумрак. Свет на Оксану.

Оксана: Мы стояли на ступеньках тем летним днем — девчонки в белых фартуках, а мальчики первый раз в галстуках, и нам не хотелось уходить. И о чем же мы говорили? Об экзаменах? Нет, они уже далеко-далеко... Так о чем же? Не молчали же. В этом возрасте не молчат. Не помню. Как-то вдруг забылись размолвки, обиды — кто с кем водился, а кого не замечал, кто на кого дулся... И так легко, точно ничего не весишь. И в этой легкости — ожидание, предчувствие... А не уходили потому, что понимали — то, что было нашей жизнью, то, что, казалось, никогда не кончится, вдруг... кончилось. И от этого и радостно, и холодок по спине... А что впереди? А впереди что-то... что-то обязательно будет. Но это потом, после — зачем об этом сейчас.
И где теперь Томка? Как случилось, что я ни разу не позвонила, не зашла к ней. Но ведь и она тоже... Как странно. А тогда мы не разлучались. Взрослая жизнь начинается, когда забываешь, что было с тобой в детстве. Нет, не забываешь, но прежнее существует отдельно от тебя, за некой прозрачной, но непроницаемой перегородкой. Можно все вызвать в памяти, рассмотреть в деталях, но войти туда нельзя.
Хотя был же сбор — пять лет выпуска... Но Томка не пришла тогда, или я путаю что-то... Не может быть, чтобы не помнила — не было ее. И школа, и наш класс — все изменилось — изменились запахи, звуки... Не узнала их, они не совпали с тем, что во мне... А теперь и вовсе... другие комнаты, другие голоса...

Сцена освещается.

Юрий: Послушай, Серж...
Сергей: Ну?
Юрий: Я же тебя не предавал... И потом тебе нужен партнер...

Сергей: Но ты предал его (указывает на Алексея). А прошлое, как известно, лучший предсказатель будущего. Предашь и меня.
Юрий: Я не с пустыми руками...
Сергей: Вот как?
Юрий: Так, заначка — парочка лимонов, а все в дело сгодится.
Сергей (смеется): А говоришь, что не предавал. Откуда они у тебя?
Юрий: Да так... отложил на черный день.
Сергей: Отложил из наших общих. Так?
Юрий: Но я же не...
Сергей: Не нужны мне твои лимоны, как и сам ты мне не нужен...
Юрий: Как же ты можешь... мы же были друзьями.
Сергей: Not any more. Впрочем, если ты мне уступишь ее (указывает на Ларису), я возьму тебя... э... референтом.
Юрий: То есть как?
Сергей: А так. Она молода, ничего себе, образованна и, похоже, легкого нрава... Как, Лариса, вы относитесь к моему предложению?
Юрий: Гад!

Юрий ударяет Сергея вилкой в грудь. Пистолет оказывается у него в руках. Он наводит его на Сергея, тот сидит скрючившись, приложив руку к груди, где расплывается красное пятно.

Юрий: Всем сидеть! Поднять руки.

Юрий поочередно наводит пистолет на каждого. Лариса встает и подходит к Сергею.

Лариса: Покажите.

Сергей стонет. Она осматривает рану, затем, намочив салфетку в водке, обрабатывает ее. Сергей вскрикивает.

Лариса: Потерпите.

К ним подходит Татьяна с аптечкой в руках. Она перевязывает рану Сергея. Ее взгляд встречается со взглядом Оксаны. Юрий, взяв бутылку, пьет коньяк из горлышка.

Лариса (Юрию): Надо вызвать скорую.
Юрий: Перебьется. Сядь.

Он грубо усаживает ее.

Юрий: Теперь поговорим.
Алексей: О чем же, Юрочка, мы будем говорить?
Юрий: О делах. О чем же еще? Мы ведь люди деловые. Не так ли? Кое-кто здесь решил, что семи пядей во лбу. Стратеги, мать вашу... А Юрочка так, на подхвате — слетай туда, принеси то. Я вам не Юрочка! Я Юрий! Юрий! Юрий! Мои родители назвали меня

Юрием! Не Юрочкой, не Юрашкой, а Юрием. Мои родители...

На сцене полумрак, свет на Юрия.

Юрий: И почему я помню это? Почему? Я взрослый мужик... Другие выбрасывают этот хлам из головы, живут нормальной жизнью, и то, что когда-то случилось с ними, не беспокоит их. Или беспокоит? Но они не показывают вида. Ведь я же молчу. Может быть, и они молчат? Нет, они не помнят. Всему свое время. Тогда одни проблемы, сейчас — другие. Но почему я не забываю... и даже прохладу подъезда, где я задержался — не хотел выходить, показываться им на глаза. Но когда кто-то стал спускаться, вышел, а они тут как тут сидят на лавочке, и Звонок сразу заметил и засмеялся — ты че в бабских тапочках? А я зачем-то стал говорить, что это мужские полуботинки, хотя ясно, что женские — мамины. Она уговорила меня их надеть. "Юрашка в бабских тапочках. Юрашка в бабских тапочках" — о... этот глумливый голос! И почему я не бросился на него? Почему не расквасил его мерзкую рожу, когда он сунул руку мне между ног — «А здесь у тебя что?" Почему? Почему? Может, мне теперь было бы легче...
Впрочем, Звонок скоро забыл обо мне. Но я-то по сей день помню — и как покраснел, и как плелся за всеми, чтобы не видели моих ног...
Нет его больше, нет Сашки-Звонка. Подох. Игореша рассказал, что он было подался в крутые, одно время весь микрорайон держал. Но недолго — налетел на серьезных ребят... А я жив! И при бабках. И буду еще долго жить...

Сцена вновь освещается.

Юрий: Ты все решал сам. Если я предлагал что-то, то ты лишь усмехался своей поганой улыбкой. А скорей всего, ты и не слышал меня. Знаешь ли ты, что этим человека до бешенства довести можно? Но теперь ты меня послушаешь! Хотя мне, собственно, от вас ничего не надо, кроме ваших автографов. На память. Где у тебя бумага?
Татьяна: Там, во втором ящике. Сейчас покажу.
Юрий: Сидеть. Сам найду.

С листом бумаги он подходит к Сергею.

Юрий: Подмахни. Чем скорей подпишешь, тем скорей отпущу.
Сергей: У меня голова раскалывается... Но здесь же пусто. Что подписывать?
Юрий: Пустоту.
Сергей: Так не годится.
Юрий: А жизнь тебе дорога?

Юрий приставляет пистолет к голове Сергея.

Сергей: Ладно, давай.

Сергей подписывает. В это время Алексей дотягивается до лимонки, висящей на елке, и выдергивает чеку.

Алексей (Юрию): Ствол сюда.

Юрий стоит без движения, пистолет направлен на Алексея.

Алексей: Юрочка, положи ствол. Если я разожму руку (Алексей поднимает лимонку), через три секунды из вас — решето.

Юрий кладет пистолет на стол.

Алексей: Вот так. Присаживайся, что ж ты стоишь. Не так я представлял себе Новый год. Не так... Но что делать?

Лариса встает и идет к двери. Затем останавливается в нерешительности и смотрит на сидящих.

Алексей (вставая и подходя к ней): У нас тут, можно сказать, семейный разговор. Вы человек новый, вам это, должно быть... не интересно.
Лариса: Алексей, простите их... Они... дети...
Алексей: Злые дети.

Лариса выходит. Алексей стоит задумавшись. На сцене полумрак, свет на Алексея.

Алексей: Пахнет елкой и мандаринами. Запахи Нового года. Так ведь Новый год же! Действительно. Время доставать с антресолей потемневшие посылочные ящики с игрушками. На них наш старый адрес, выведенный химическим карандашом. Оттуда же деревянный крест — подставку для елки. А сама елка появляется внезапно, вдруг стоит в коридоре, в углу — холодная, колючая. Вечером отец устанавливает ее в большой комнате. К этому времени она оттаяла, и в квартире запахло хвоей. Мы ее наряжаем. Некоторые игрушки без петелек, и их приходится делать из толстой нитки. Иголки колются, когда веточку пропускаешь в петельку. Раньше в хлопушках мы находили маски. Бумажные маски с прорезями для глаз и резинкой, чтобы они держались на голове. Но их давно уже там нет. Сестра всем указывает, куда что вешать. А почему, собственно? Да и черт с ней. Не спорить же. Ведь Новый год! Встав на стул, она вешает бусы и дождь. На макушке елки шпиль. У кого-то звезда, а у нас шпиль. Отец занят лампочками и трансформатором. Гирлянда не зажигается. Мы проверяем лампочки, заменяем перегоревшие. А она все не загорается и не загорается. Отец уходит к себе, курит, шуршит газетой. Затем возвращается. И вдруг елка вспыхивает. И все меняется. Ты помнил еще с прошлого года, что это очень здорово. Но, оказывается, это еще лучше, чем тебе помнилось — меленькие, невзрачные лампочки засветились волшебным красным, зеленым, синим... И перед сном ты заглядываешь в комнату послушать гудение трансформатора и ту особую тишину, какая бывает лишь перед Новым годом. Сегодня ночью и здесь, в доме, где все вымыто и вычищено, и за окном, и везде-везде совершится что-то таинственное...

Сцена освещается.

Ба! Почти полночь! Пора открывать шампанское. Ну-ка, Юрочка, живо.

Юрий несмело берет бутылку. Открывает ее, разливает шампанское. Бьют часы. Оксана вздрагивает и крестится.

Алексей: Ну что, с Новым годом!

Алексей кладет гранату в вазу с фруктами и берет бокал.

Юрий (выпучив глаза на гранату): Это... это...
Алексей (смеется): Успокойся — учебная, болванка.
Юрий: Ну, ты даешь...

Все встают, чокаются, пьют.

На двенадцатом ударе яркая вспышка и взрыв. Свет гаснет.

После паузы сцена вновь освещается. Актеры приводят ее в порядок — поднимают упавшие стулья, расставляют посуду. Затем рассаживаются.

Юрий: Где у тебя бумага?
Татьяна: Там, во втором ящике. Сейчас покажу.
Юрий: Сидеть. Сам найду.

С листом бумаги он подходит к Сергею.

Юрий: Подмахни. Чем скорей подпишешь, тем скорей отпущу.
Сергей: У меня голова раскалывается... Но здесь же пусто. Что подписывать?
Юрий: Пустоту.
Сергей: Так не годится.
Юрий: А жизнь тебе дорога?

Юрий приставляет пистолет к голове Сергея.

Сергей: Ладно, давай.

Сергей подписывает. В это время Алексей дотягивается до лимонки, висящей на елке и выдергивает чеку.

Алексей (Юрию): Ствол сюда.

Юрий стоит без движения, пистолет направлен на Алексея.

Алексей: Юрочка, положи ствол. Если я разожму руку (Алексей поднимает лимонку), через три секунды из вас — решето.

Юрий кладет пистолет.

Алексей: Вот так. Присаживайся, что ж ты стоишь. Не так я представлял себе Новый год. Не так... Но что делать?

Лариса встает и идет к двери. Затем останавливается в нерешительности и смотрит на сидящих.

Алексей (вставая и подходя к ней): У нас тут, можно сказать, семейный разговор. Вы человек новый, вам это, должно быть... не интересно.
Лариса: Да, я здесь случайный человек... Это очень трудный момент для всех вас... И вам, может быть, кажется, что все кончено — ваши отношения... ваши дела... Разрушен мир, в котором вы жили... Может быть и так... И что теперь делать? Вернуться назад уже едва ли получится... А будущее... Мой знакомый... он американец, мы вместе учились... рассказывал, что когда случился черный понедельник, когда упали котировки... как раз лекция была об этом... его дядя покончил с собой. А я подумала, если бы рядом оказался человек, которому он доверяет... верит... и этот человек сказал бы ему — ты потерял половину, но другая половина у тебя осталась... И пусть бы ты все потерял, но сам ты жив, ты можешь уехать куда-нибудь и там встретить людей, которых ты не знаешь, и они пока тебя не знают... И там будет другое... совсем другая жизнь. А и не обязательно уезжать... Но главное помнить, что ты живешь, и что это удивительно...

Часы бьют полночь. За окнами вспыхивает новогодний фейерверк. Все смотрят на снопы огня в небе.

Оксана: Новый год...
Татьяна: Да, Новый год...

Освещение меняется — на сцене полумрак, фейерверк же набирает силу.
Занавес.